

ЖАНРОВАЯ СИСТЕМА В БАСНЯХ ХРИСТИАН ФЮРХТЕГОТТ ГЕЛЛЕРТА

Ганиев Фазлиддин Зоирович

преподаватель кафедры французской филологии Бухарский государственный университета

ARTICLE INFO.

Ключевые слова: басни, притчи, басенная традиция, педагогические воззрения, персонажи-животные, персонажи-люди, басенная эпидемия.

Аннотация

Христиан Фюрхтеготт Геллерт (1715-1769) - известный автор Германии XVIII в., видный общественный деятель, известный народный просветитель, создававший свои произведения для среднего класса. Одним из жанровых направлений творчества автора стали басни и притчи. В статье рассматривается специфика басенного творчества, его место во всей жанровой системе автора, характеризуются действующие персонажи басен и притч, изучаются источники заимствования сюжетов. Кроме того уделяется большое внимание поэтике иносказания, а также способам воплощения дидактических идей и педагогических концепций немецким автором посредством басни.

<http://www.gospodarkainnowacje.pl/> © 2023 LWAB.

ВВЕДЕНИЕ

В жанровой системе творчества Х. Ф. Геллерта (1715-1769), известного морализатора и видного представителя раннего Просвещения, басни и притчи являются художественным способом воплощения дидактических идей и педагогических концепций, а также важным связующим звеном всех его произведений.

Содержание моральных лекций (в русском переводе «Нравоучений») немецкого автора, которые тот читал в Лейпцигском университете, а также публиковал как отдельные сочинения, непременно находило своё литературное выражение в басне. Лекции Геллерта по моральной философии включали темы воспитания и образования детей, семейных отношений, вопросы веры и религии, проблемы нравственного и этического характера. К примеру, педагогические воззрения Геллерта, имеющие под собой твёрдую теоретическую основу, отражены в полной мере в его моральной лекции за номером 18 [1] и в то же время отзвук этих идей находит выражение в басне «Обезьяны и медведи» ("Die Affen und die Bären"). Медведи в басенной традиции предстают, как правило, неуклюжими и нерасторопными. У Геллерта медведь является существом разумным, естественным, воспитывающим своих детей соответственно законам природы, в то время как обезьяны испорчены цивилизацией и обладают всеми негативными качествами, присущими высшему сословию. По замыслу басни, обезьяны просят медведей дать совет, как растить здоровых и крепких детей, на что медведи им отвечают, что всё дело в мягкотелости родителей, они же (медведи) закаляют детей в трудностях, берут их, как только те встают на ноги, с собой и в жару, и в холод в леса и в поля. Одна из главных идей как упомянутой лекции, так и басни заключалась в утверждении, что чем ближе человек к природе и

дальше от города с его развращёнными нравами, тем более целостной и гармоничной будет его формирующаяся личность. В этом вопросе немецкий автор близок к теории «воспитания естественного человека» Ж. Ж. Руссо (1712-1778), которую тот выразит наиболее ярко в романе «Эмиль» (1762). Что же касается хронологических соответствий, то басня Геллерта появилась многими годами ранее вышеназванного произведения французского мыслителя. В то же время говорить о совпадении других взглядов Геллерта и Руссо неправомерно. В лекциях немецкого автора есть лишь одно единственное упоминание Руссо в контексте религиозных воззрений, и то оно сопровождается критикой.

Басенное творчество Геллерта неразрывно связано с его увлечением «трогательной», или, как её ещё называли, «слёзной» комедией, театральным жанром „comédie larmoyante“, впервые освоенным французами Филиппом Детушем (1680-1754) и Пьером де Лашоссе (1692-1754). Так, одноименное название у Геллерта имеют басни «Богомолка» ("Die Bettschwester") и «Больная жена» ("Die kranke Frau") и слёзные комедии «Богомолка» ("Die Bettschwester") и «Больная жена» ("Die kranke Frau"). Примечателен тот факт, что в «трогательной» комедии «Нежные сёстры» [2] ("Die Zärtlichen Schwester") Геллерт использует приём поучения и морализаторства посредством басни. Один из персонажей, старомодный педант Магистр пытается с помощью собственно сочинённых басен поучать племянницу. Традицию включения басни в контекст произведения Геллерт усваивает у основоположника сентиментализма, английского автора С. Ричардсона, который вводит в роман «Памела» ("Pamela" 1740) несколько своих притч. Геллерт оставил высокую оценку творчества Ричардсона, что, в свою очередь, служит подтверждением влияния английского прозаика на творчество Геллерта.

Отражение басенного творчества мы находим и в романе Геллерта «Жизнь графини шведской фон Г***» [3] ("Das Leben der schwedischen Gräfin von G***"), хотя и не в поэтической форме немецкий автор обрабатывает в авантюрно-приключенческом произведении мотивы притчи «Инкл и Ярико» ("Inkl und Jariko"), которая повествует о колониальных войнах с коренным населением в Южной Америке и работорговле, на фоне которых зарождается любовь индианки Ярико и английского торговца Инкла. В романе «Жизнь графини шведской фон Г***» молодая девушка-казачка влюбляется в одного из героев произведения, англичанина Стилея, отбывающего ссылку в России, в глухой сибирской тайге. И хотя Стилей, которому отведена в романе роль идеального джентльмена, не идёт на подлость, как герой - работорговец Инкл из притчи (продал свою возлюбленную в рабство), любовь дикарки и человека из высшего общества присутствует как важный мотив, хотя и не находит своего развития.

Как самостоятельные произведения басни и притчи Геллерта появляются в Германии в 1741 г. в ежемесячном издании «Увеселения ума и остроумия». Полный труд под названием «Басни и рассказы» выходит в свет в марте 1745 г. В 1748 г. появляется второй том сборника. В 1744 г. Геллерт издаёт научный труд о басенном жанре и о поэтике в целом на латинском языке "De poesie apologorum eorumque scriptoribus", за защиту которого он получает профессорство в Лейпцигском университете. В 1772 г. эта работа была переведена на немецкий язык под названием «О баснях и их авторах» ("Von denen Fabeln und deren Verfassern").

МЕТОДЫ

Период написания Геллертом басен и притч и их издание характеризуется литературоведами как «баснемания», или «басенная эпидемия» ("Fabelepedemie"), распространённая в немецкой литературе. В это время кроме Геллерта в Германии к этому жанру обратились Фридрих Хагедорн (1708-1754), Иоганн Вильгельм Людвиг Глейм (1719-1803), Иоганн-Христоф Готшед (1700-1766), Карл Христиан Гертнер (1712-1791), Карл Готтлоб Крамер (1758-1817), Готхольд Эф-раим Лессинг (1729-1781). Общеизвестен факт, что басня начинает играть важную роль в литературе страны, когда там происходит социальный перелом, рушатся старые политические институты власти, и в то же время у общества ещё недостаточно потенциала, чтобы построить

новую систему. Басенные публикации Геллерта приходятся как раз на период короткой мирной передышки по окончании второй Силезской войны и перед началом Семилетней войны.

Показательно, что сам Геллерт относился к своему творчеству самокритично и по прошествии определенного времени переделывал свои басни. По большей части он редактировал длинноты, значительно сокращая первоначальные варианты, в чём сказывалось его стремление соответствовать классицистическому, более краткому и ёмкому, образцу. В 1756 г. появляется его публикация «Критика некоторых басен из "Увеселения"» ("Beurteilung einiger Fabeln aus der Belustigung"). Имеется в виду ежемесячное издание «Увеселения ума и остроумия», где немецкий автор издавал свои первые произведения.

Само название сборника Геллерта "Fabeln und Erzählungen" (в переводе с немецкого «Басни и рассказы») указывает на то, что автор отходит от текста басни в классическом её понимании и приближается к короткому поучительному стихотворному рассказу в иносказательной форме, который по структуре и замыслу близок притче или параболе. Немецкий автор не разграничивает чётко эти две литературные формы, но, тем не менее, мы можем наблюдать их существенное различие. Мораль притчи (параболы) Геллерта отличается от басенной морали широтой обобщения и значимостью заключённой в ней идеи. Задача басни - это выражение житейской мудрости, в то время как для притчи характерна философская или религиозная проблематика, а также наличие более высокого стиля речи. Геллерт использует притчу часто с целью прямого наставления, поэтому включает в неё подобное, порой очень пространное объяснение сюжета. В басне это объяснение отсутствует, поскольку этот жанр представляет собой более ясный, хотя и косвенный, завуалированный способ поучения и наставления. Притча предполагает, что участниками действия в ней являются люди, тогда как в басне традиционно используется принцип аллегории и персонажи-животные преобладают по сравнению с персонажами-людьми.

Структура басенного сюжета у Геллерта может строиться следующим образом: экспозиция, замысел, действие, результат. Подобная четырёх-частная схема варьируется, при этом могут выпадать некоторые звенья, например замысел, но, тем не менее, всё это характерно для тех произведений, где фигурируют персонажи-животные - ярко выраженные аллегории. Кроме того, автор писал большинство своих произведений традиционным балладным размером - правильным четырехстопным ямбом, что приближало их к классическому образцу басни, в то время как притчи с персонажами-людьми далеки от канонов басенного жанра, поэтому нет сомнений в их совершенно иной природе.

Несмотря на тот факт, что в Германии Геллерта называли «немецким Лафонтеном», в басенном творчестве авторов практически не обнаруживается общих с Лафонтеном сюжетов, и тем более отсутствует у немецкого автора подражание изящному стилю, который присущ французскому поэту. В то же время, когда вся Европа зачитывалась Лафонтеном, Геллерт не мог обойти вниманием произведения великого баснописца. Не исключён и тот факт, что именно популярность Лафонтена дала немецкому автору толчок к созданию собственных притч и басен и осмыслению басенного жанра в более близком ему ключе, а именно, с точки зрения морали и дидактики. Так же как и французский баснописец, Геллерт обращается к памятнику санскритской повествовательной прозы «Панчатантра» (III-IV вв. н. э.), а точнее, к её арабскому переводу «Калила и Димна» (середина VIII столетия), принадлежавшему предположительно персидскому писателю Ибн аль-Мукаффа. Так, притча "Der arme Schiffer" («Бедный рыбак»), повествующая о чести и готовности сдержать своё слово, полностью повторяет сюжет одного из текстов «Калилы и Димны».

Часть басен и притч немецкого автора восходит также к творениям древнеримских и древнегреческих поэтов. А, к примеру, басня «Зелёный осёл» ("Der grüne Esel") Геллерта является вольной интерпретацией басни Абстемия, итальянского баснописца XV в., "De vidua

etasinonviridi" («О вдове и зелёном осле»). Творчество же Эзопа практически не оказало влияния на становление Геллерта-баснописца. Лишь несколько сюжетов были заимствованы им у основателя басенного жанра. Так, «Хитрые служанки» ("Die schlauen Mädchen") восходит к басне Эзопа «Вдова и служанки», к которой также обращался Ла-фонтен («Старуха и две служанки»), также для произведения "Zwei Hunden" («Две собаки») литературным источником стала басня Эзопа «Две Собаки». Близкий сюжет выбрал и французский баснописец Флориан («Два Кота»).

Сравнивая частотность введения Геллертом в басни и рассказы персонажей-людей и персонажей-животных, отмечаем, что вторые значительно уступают первым. Исследование 143 басен и рассказов немецкого автора показывает, что в 29 заглавиях, а это менее половины, встречаются номинации животных. При этом пристальное внимание баснописец уделяет в первую очередь насекомым и птицам, зачастую достаточно редким видам из них: «Саранча и кузнечик» ("Das Heupferd oder der Grashüpfer"), «Перепел и коноплянка» ("Die Wachtel und der Hänfling"). Редким феноменом для басни является использование номинации членистоногих «Молодой краб и моллюск» ("Der junge Krebs und die Seemuschel").

Объяснить это можно тем, что наиболее популярные аллегории у многих известных баснописцев были не интересны Геллерту с точки зрения дидактики и морально-нравственной направленности всего его творчества. Определённые образы животных в басне на протяжении истории развития басенного жанра отождествляли тот или иной социальный класс или группу общества, олицетворяли человеческие пороки и добродетели, их повадки сопоставлялись с особенностями нрава и характера людей. Так, ни у кого не вызывает сомнения, что царь зверей - лев - являет собой силу, жестокость, иногда мудрость, и зачастую за ним скрывается властный государственный правитель. Или лис (лиса), так часто встречающийся (-щаяся) в творчестве Лафонтена и его эпигонов, характеризуется хитростью, лживостью, умом и часто представляет образ изворотливого, льстивого придворного и т. д.

Геллерт же в своём творчестве уходит от уже разработанных до него семантических моделей, представляя на суд зрителя совершенно иных персонажей, что даёт возможность моделировать новые ситуации. Выбор представителей животного мира, лишённых величия, силы и крупной физической комплекции (жеребёнок, жаворонок, утёнок, муха, саранча и кузнечик, краб, моллюск, воробей, комар, паук, шмель, собака и т. д.), обусловлен, прежде всего, тем, что басенное творчество автора ориентировано на так называемое третье сословие - бюргерство, малообразованную, политически бесправную, социально безынициативную прослойку общества. Все вышеперечисленные персонажи-животные олицетворяют собой простых обывателей, мотивы басен не выходят за рамки интересов среднего класса, а логично вытекающий итог повествования соответствует третьесословной бюргерской морали, для которой важны умеренность, сдержанность и самоуспокоенность.

Или же в басне «Жеребёнок» ("Das Füllen") автор рассказывает о том, как, завидуя прекрасным верховым лошадям и мечтая так же, как и они, носить седло и узду, молодой жеребёнок становится рабом наездника. Тем самым автор обнажает обратную сторону видимости материального благополучия и социальной значимости, которые оборачиваются для индивида жёсткими общественными рамками и несвободой:

«Чем больше ты стремишься за знаками отличия,
Тем больше попадаешь в рабскую зависимость»*

Таким образом, мораль басни заканчивается суждением о том, что честолюбие лишает человека независимости и душевного покоя.

Особое место в басенном творчестве Геллерта занимает образ соловья, который является олицетворением поэтического и творческого начала, и в этом немецкий автор не одинок. Ещё древнегреческий поэт Гесиод 700 лет до н. э. сочинил басню «Соловей и Ястреб», где образ соловья рассматривался им не только с позиции слабого и беззащитного существа, но уже становится аллегорией поэта, носителя природного дарования. Из современников Геллерта к этому персонажу обращались и Адольф Шлегель (1721-1793), и Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781).

Первый том собрания сочинений Геллерта открывает басня «Соловей и жаворонок» ("Die Nachtigall und die Lerche"), которая раскрывает природу творчества. Выражая в произведении мораль, согласно которой соловей поёт лишь несколько недель в году, и то по велению природы, Геллерт опровергает распространённое до 40-х гг. XVIII в. утверждение о том, что сочинительство является кустарным ремеслом и должно осуществляться согласно определённым правилам. Немецкий автор настаивает на том, что поэзия напрямую зависит от вдохновения и таланта.

В другой басне «Чиж» Геллерт сравнивает соловья и чижа ("Der Zeisig") как двух диаметрально противоположных представителей творческой среды. Мальчик слышит из раскрытого окна прекрасное пение и хочет знать, кто так поёт, когда же отец приносит ему двух птиц, соловья и чижа, ребёнок без колебания выбирает второго, поскольку считает, что только птица с красивым оперением может иметь такой великолепный голос. Наряду с извечной истиной о том, что не всё, что красиво снаружи, прекрасно внутри, в басне звучит и другая тема - тема социального неравенства и несправедливости. Немецкий автор наглядно демонстрирует незавидное положение поэта в обществе, по сравнению с аристократией и богатым бюргерством.

Мотив, связанный с соловьем, пусть и опосредованно, продолжается и во втором томе басней «Две ласточки» ("Die zwei Schwalben"). Две птицы спорят, кто из них лучше поёт, на что жаворонок им отвечает, что как бы они ни пели, их голоса всё равно не сравнятся с голосом соловья. В басне речь идёт о посредственных писаках, образцом которых для Геллерта являются Мосхейм в богословии и Хагедорн в поэзии. Геллерт начинает мораль своей басни с обращения: «Ihr mittelmäßigen Skribenten...» [6] «Вы, посредственные писаки...»* В конце второго тома появляется ещё одна басня - «Соловей и Кукушка» ("Die Nachtigall und der Kuckuck"), которая снова затрагивает тему поэтического дара. В басне говорится о том, что пение кукушки нравится детям, а пение соловья вызывает слёзы на глазах у влюблённой пары Дэмета и Филлис. Тем самым немецкий автор рисует образ идеального читателя: думающего и чувственного, способного растрогаться и сопереживать. Он сопровождает образ читателей-«детей» такими характеристиками, как "lustig", "freudig", "laut", т. е. «весёлые», «радостные», «громкие». И, напротив, читателей-«влюблённых» он описывает как "göttlich", "ehrerbietig", "zärtlich", то есть «одухотворённые», «почтительные», «нежные».

Басня «Пчела и курица» также касается эстетики творчества: полезная, но прозаичная курица противопоставляется пчеле, своим трудом добывающей мёд, который не просто полезен и может утолить голод, но и призван доставлять удовольствие:

"Wir sammeln Saft, der Honig macht, um fremde Zungen zu vergnügen" [7].

«Мы собираем нектар, из которого получится мёд, чтобы улаживать чужие вкусы»

Геллерт превозносит чувство удовлетворения, говоря о том, что сама пчела, летая от цветка к цветку, собирая мёд, получает удовлетворение от своего труда, творчества и от своей поэтической силы. Тем самым немецкий автор выдвигает на первый план человека творческих начал, противопоставляя ему человека повседневности, который завидует творцу, как курица пчеле.

Жало пчелы, т. е. сам басенный жанр, Геллерт рассматривает как орудие сатиры, способное покарать всё неразумное и порочное. И заключительные слова морали предопределяют назначение поэтики Просвещения в целом:

"Dem, der nicht viel Verstand besitzt, Die Wahrheit, durch ein Bild, zu sagen" [8].

«Представить правду в картинках тем, кто слабо понимает»

Идея автора в басне представлена достаточно явно. И хотя Геллерт использует аллегорию, он тут же её поясняет, что придает произведению

Е. А. Климакина. Басни и притчи в жанровой системе творчества Х. Ф. Геллерта

нравоучительный тон и делает его несколько тяжеловесным и сухим. Эта черта особенно характерна для притч Геллерта, когда мораль и наставление по объёму в два, в три раза превышают описание действия.

В заглавиях басен и притч Геллерта персонажи-люди встречаются в 83 произведениях, из них обобщённые персонажи - в 55, и конкретные, в их числе персонажи легенд и мифов, - в 28 баснях. В заглавиях басен с обобщёнными наименованиями используются такие родо-видовые обозначения, как девушка "das Mädchen", женщина "die Frau", мужчина "der Mann", ребёнок "das Kind", мальчик "der Knabe", старик "der Geist", юноша "der Jungling". Особую группу формируют наименования членов семьи: "der Vater", "der Sohn", "der Ehemann", "die Ehefrau", "die Witwe", "der Witwer", "das Ehepaar", "der Liebhaber", "der Freier". В немецком языке это соответственно отец, сын, муж, жена, вдова, вдовец, молодожёны, любовник, жених. Степень обобщённости характеров героев немецкий автор предпочитает подчёркивать употреблением определённого артикля перед наименованиями персонажей-людей.

Примечательно, что в баснях и притчах семейно-бытовой проблематики женский образ встречается так же часто, как и мужской. Например, «Любящая жена» ("Die zärtliche Frau"), «Хворая жена» ("Die kranke Frau"), «Молодая девушка» ("Das junge Mädchen"), тогда как в произведениях, дифференцируемых по роду занятий по общественному положению, женщины-персонажи полностью дискриминируются (учёный - der Polyhistor, художник - der Maler, домашний учитель - der Informator, поэт - der Dichter, критик - der Kritikus). Данная тенденция в басенном творчестве Геллерта выглядит вполне закономерной, принимая во внимание ту социальную роль, которая закрепилась за женщиной в немецком обществе и оставалась неизменной на протяжении многих столетий вплоть до XIX в.

У немецкого автора женский образ в баснях и притчах семейно-бытовой тематики сопровождается неизменно некоторой негативной коннотацией, являясь воплощением разных пороков: глупости, дурного характера, страсти к нарядам и украшениям, кокетства, жеманства, самообольщения. Зачастую уже заглавие произведения выявляет женские недостатки и слабости, которые подлежат осмеянию и порицанию: «Хитрые девушки (служанки)» - "Die schlauen Mädchen", «Спорщица» - "Die Widersprecherin".

ВЫВОДЫ

Геллерт, придерживаясь учения Лейбница и разделяя его теорию разумного компромисса, хотя и достаточно мягко, тем не менее затрагивал проблему социального неравенства в обществе, что так или иначе отражалось в названиях басен: «Бедный рыбак» ("Der arme Schiffer"), «Бедняк и богатч» ("Der Arme und der Reiche"), «Богатый скряга» ("Der reiche Geizhals"). В своих баснях немецкий автор уходит от критики действительных феодальных отношений и сглаживает острые углы социального неравенства проповедями совести, порядочности и долга. Именно за эту аполитичность современники и последующие поколения стали обвинять немецкого автора в филистерстве, а его произведения называть «устаревшими образцами сентиментальной морали». В частности, в 1771-1972 гг. появляется двухтомник «О значимости некоторых немецких

авторов и других предметов искусства и художественной литературы», изданный Якобом Мавиллоном и Людвигом Унцером [9], которые представляли Геллерта второстепенным автором, а его произведения оценивали как невыразительные и не соответствующие духу времени. Однако у современников автора чаще встречаются одобрительные оценки. Как, например, писал о басенном творчестве Геллерта немецкий философ и писатель Томас Аббт в своём известном трактате «О заслугах» ("Vom Verdienste" (1765): «...басни Геллерта, без сомнения, способствовали развитию вкуса целой нации» [10].

Пафос воспитания, который был распространён среди поэтов раннего Просвещения и для которого они пытались приспособить басни, поучительные рассказы и моральные лекции, постепенно сошёл на нет. К концу XVII - началу XIX в. с появлением детских журналов, антологий сочинений и школьных учебников басни с их грубо наглядной педагогикой стали относиться к тривиальной литературе. Несмотря на всю популярность Геллерта в Германии и за её пределами, стали очевидны и слабые стороны его басенного творчества: немецкий автор далёк от поиска более живописного языкового выражения, отсутствует в его творчестве и яркое описание обстановки действия, и внимание к деталям. Характеристика героев, будь то персонажи-животные или персонажи-люди, не лаконична и размыта. Можно сказать, что басни немецкого автора не соответствуют главному принципу этого жанра, а именно, суггестивности. Произведения растягиваются на тридцать и более стихов, что делает их более пространственными и лишёнными конкретных живых деталей, что, в свою очередь, побуждает переводчиков басен Геллерта нередко значительно сокращать его тексты.

Литератур

1. Koch Friedrich, Geliert Ch. F. Poet und Pedagoge der Aufklärung, Deutscher Studien. Verlag: Weinheim, 1992. С. 36.
2. Геллерт Х. Ф. Горячая любовь двух сестёр: комедия в трёх действиях / перевёл Степан Поручкин. СПб.: Императорская академия наук, 1775.
3. Геллерт Х. Ф. Жизнь графини шведской фон Г**. Тамбов, 1792. Т. 1-2.
4. Geliert Ch. F. Fabeln und Erzählungen. In drei Buchern. Leipzig, 1857. S. 133.
5. Geliert Ch. F. Fabeln und Erzählungen. Teddington: The Echo Library, 2007. S. 13.
6. Geliert Ch. F. Gesammelte Schriften, Berlin, New York; de Gruyter. Bd. 1. Fabeln und Erzählungen/ hrsg. Von Ulrike Bardt und Bernd Witte. 2000. S. 133.
7. G'aniyev F. МАСАЛ ЖАНРИНИНГ РИВОЖЛАНИШИДА ЭЗОП ИЖОДИНИНГ ЎРНИ //ЦЕНТР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ (buxdu. uz). – 2021. – Т. 7. – №. 7.
8. Zoirovich G. F. Modernité du projet éducatif des fables //Integration Conference on Integration of Pragmalinguistics, Functional Translation Studies and Language Teaching Processes. – 2022. – С. 214-216.
9. Narzullaeva, D. B. (2023, January). HISTORY OF THE TRANSLATION OF THE QURAN INTO FRENCH. In INTERNATIONAL CONFERENCES (Vol. 1, No. 2, pp. 116-118). <http://erus.uz/index.php/cf/article/view/1495>
10. Dilfuza, N. (2022). DEVELOPING THE COMMUNICATION COMPETENCE OF FRENCH-SPEAKING STUDENTS THROUGH DIALOGUES IN THE DEVELOPMENT OF ORAL SPEECH. Involta Scientific Journal, 1(10), 53-57. <https://involta.uz/index.php/iv/article/view/332>